

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-107-117

**О СМЕРТИ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА
ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ Д. Н. БЛУДОВА
К В. А. ЖУКОВСКОМУ 1803 ГОДА**

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ;
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ И © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)

Граф Дмитрий Николаевич Блудов привлекает к себе внимание современных историков в первую очередь как видный государственный деятель эпохи царствований Николая I и Александра II, причастный к широкому спектру важнейших событий и процессов.¹ Значимыми для исследователей остаются и собственно исторические его работы, связанные и с изданием в 1828 году посмертного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, и со статьями по секретным материалам Государственного архива, вышедшими посмертно, и с записками Блудова, писавшимися по заданию правительства и вызванными такими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.²

Для литературоведов личность Блудова сохраняет неизменный интерес благодаря своей причастности к истории общества «Арзамас» (1815–1818)³ и дружбе с «арзамасцами» как в пору, когда они таковыми еще не были, так и в дальнейшем, после 1818 года. Блудов познакомился с В. А. Жуковским, будущим неизменным секретарем «Арзамаса», нареченным в нем Светланой, в пору учебы его в московском Университетском благородном пансионе. Сам Блудов получил домашнее образование, но был хорошо знаком со всем близким Жуковскому кругом его соучеников по пансиону. Неопубликованной до сего времени⁴ остается самая ранняя и, пожалуй, самая информативно насыщенная часть писем Блудова к Жуковскому,⁵ из которых первое датируется концом 1801 года, когда они оба уже состояли на службе (Блудов в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Жуковский в Соляной конторе). Эти письма изобилуют ценнейшими свидетельствами, выводящими на поверхность неизвестные факты из жизни Блудова, Жуковского и их дружеского окружения.

Разнообразные сведения содержатся в письмах Блудова 1802–1803 годов об Андрее Ивановиче Тургеневе, старшем из братьев Тургеневых. Соученик Жуковского по пансиону, Тургенев был связан с ним по-особому крепкой, проникновенной дружбой. Блудов писал о нем в письмах к Жуковскому, понимая, насколько важны для него эти сообщения после расставания с друзьями и отъезда в конце мая 1802 года из Москвы на родину в Тульскую губернию (произошло это после получения им отставки). Вместе с тем и самому Блудову Тургенев был очень интересен как поэт, подающий большие надежды, и как многосторонне образованный собеседник с оригинальной трактовкой проблем развития современной литературы. Объединяла их и страстная любовь к театру.

¹ См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 108–156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: СПб., 2015 (по указ.); 3) Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.: СПб., 2018 (по указ.).

² См.: *Песков А. М.* Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 283–284.

³ См.: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 348–365, 479–486, 737–741 и др.

⁴ П. И. Бартеневым (см.: *Русский архив.* 1902. № 6. С. 341–348) была осуществлена публикация лишь позднейших писем к Жуковскому Блудова, относящихся к 1819–1831 годам (в основу этой публикации легли следующие архивные материалы: ИРЛИ. № 27928 (32 л., 17 п.)).

⁵ Там же. № 21823 (49 л., 29 п., 1801–1817 годы). Далее ссылки на эту единицу хранения даются в тексте сокращенно, с указанием номера листа.

15 августа 1802 года Блудов писал Жуковскому из Москвы, имея в виду только что вышедшую в «Вестнике Европы», с подписью «-в», «Элегию» («Угрюмой осени мертвящая рука...»): «Анд<рея> Ива<новича> Элегия fait beaucoup de bruit;⁶ под этим названием расспрашивают меня об авторе, а я, не без самолюбия, говорю: он редкий молодой человек, он обещает быть некогда гением, он мой друг» (л. 5). В этом же письме Блудов, взбудораженный слухами о том, что И. В. Лопухин, по-особому близкий к семье Тургеневых, назначается на должность генерал-прокурора (слухи не оправдались), выражал сожаление об отъезде Андрея Тургенева на службу в русскую дипломатическую миссию в Вене, поскольку уже видел перед ним более высокие возможности в Петербурге.

Блудов был хорошо осведомлен и о творческих занятиях Тургенева, и о полемике его с Жуковским. Перевод шекспировского «Макбета», которым Тургенев занимался весной 1802 года в Вене, вызвал критические замечания со стороны Жуковского относительно фантастического в трагедии, граничащего, по его мнению, с нехудожественным.⁷ Poleмика о «Макбете» на основании сообщений Тургенева в его письмах и дневнике оценена исследователями как эпизод, «характерный для преромантического литературного сознания».⁸ Между тем письмо Блудова от 15 августа 1802 года вносит неожиданный штрих в этот, казалось бы, известный эпизод из истории русского шекспиризма. В нем есть приписка, которая говорит о каком-то творческом замысле самого Жуковского: «Может быть, для тебя интересно знать, что Дюсис сочинил трагедию *Махбета*. Приехавши в П<етер>б<ург>, я постараюсь найти ее и прислать к тебе. Она тебе поможет, если в самом деле захочешь сделать Махбета русского». В письме Блудова речь идет об адаптированном переводе шекспировской трагедии, изданном в 1784 году французским драматургом Ж.-Ф. Дюси (Ducis; 1733–1816). Обещанную книгу Дюси Блудов выслал Жуковскому из Петербурга с письмом от конца декабря 1802 года.

Знакомство с письмами Блудова позволяет внести ясность в датировку записей Жуковского о «Макбете» Дюси. Отзыв о нем был вписан Жуковским в тетрадь (четвертую по счету) под заглавием «Драма и театр», отнесенную в современном Полном собрании сочинений к 1810 году (включено в подборку текстов из шести тетрадей, озаглавленную «<Конспект по истории литературы и критики>», 1805—1811).⁹ Письма Блудова к Жуковскому 1802 года позволяют высказать предположение о том, что часть этой тетради, связанная с «Макбетом» (это ее начало, после которого в тетради следует текст иного типа — конспект «Лицея» (1799—1805) Ж.-Ф. Лагарпа), была создана в 1803 году, по-видимому, в первой половине года, т. е. до смерти Андрея Тургенева. Об этом свидетельствует полемическая заостренность мнения Жуковского о «Макбете», вызванная, по-видимому, тургеневским переводом. Заканчивая свой резко критический разбор произведения, Жуковский пишет: «План Дюсисова „Макбета“ кажется лучше, его Макбет по крайней мере представлен в сражении с самим собою и несчастным от своего преступления; зато он и интереснее. Впрочем, предмет сам по себе неспособен произвести никакого интереса, он не годится для трагедии. Ужас, им причиняемый, стесняет душу и располагает ее к какой-то унылой робости, которая отменно неприятна и тягостна».¹⁰ В комментарии современного издания высказано предположение, что рассуждение Жуковского о «Макбете» представляет конспект некоего неустановленного источника,¹¹ однако вероятнее, что это был самостоятельный критический набросок Жуковского, связанный, если можно судить об этом по письму Блудова, с какими-то его творческими планами.

⁶ наделала много шума (фр.)

⁷ См.: Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 401–402, 406–409.

⁸ Там же. С. 353 (вступ. статья В. Э. Вацуро); см. также: Заборов П. Р. От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 83–85; Левин Ю. Д. Шекспир и русская культура. Л., 1988. С. 16–17.

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2012. Т. 12. С. 458.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Там же. С. 465.

1 февраля 1803 года Андрей Тургенев вернулся в Петербург, и Блудов, по-видимому, был шокирован переменой, произошедшей в нем за время заграничной командировки, продолжавшейся немногим менее года. «Тургенев здесь. Его грубое и глупое остролюбие несносно. <...> вчера с и я с ним поссорился» (л. 18 об.), — написал Блудов Жуковскому 10–12 февраля 1803 года. Книга А. Л. Зорина,¹² в которой без купюр печатаются отрывки из дневника Андрея Тургенева за последние месяцы его жизни, показывает, что перемена, действительно, произошла и была следствием вольной венской жизни. Блудов подобным откровениям в общении с приятелями не предавался, тем более что с юных лет был пленен девушкой исключительных нравственных достоинств. В возрасте 16 лет он влюбился в 24-летнюю княжну Анну Щербатову, которая стала его женой спустя одиннадцать лет в 1812 году. Блудов неоднократно упоминал Нанину, как он ее называл, на страницах своих писем к Жуковскому.¹³ Умерла она раньше мужа, и М. А. Корф упомянул о жене Блудова в своем дневнике как о «женщине тихой и кроткой и очень обыкновенной, но при всем том нежно им любимой».¹⁴ История Дмитрия и Анны Блудовых — это история любви редкостного благородства и верности.

Нет сомнения, что Андрей Тургенев внял каким-то протестам со стороны Блудова, и их общение вошло в русло живого и, что немаловажно, обоюдно приятного дружеского общения. Вскоре они поселились на одной квартире, о чем Блудов сразу же сообщил Жуковскому. Сообщение сохранилось в виде приписки, отрезанной от какого-то письма: «Надписывай ко мне: в Садовой улице, против ворот Михайловского замка, в доме Петра Ивановича Турчанинова. Андрей <так!> Ивановича пожитки только что привезли в мою квартиру: он будет жить со мной вместе; я этому очень рад. Приезжай к нам!» (л. 12). Переезд произошел, по-видимому, в апреле 1803 года (возможно, после того, как из Петербурга в начале весны (не позднее марта) 1803 года уехали родители Тургенева, приезжавшие повидаться с ним). 28 мая 1803 года в канун отъезда Блудова в Москву в отпуск, где ему предстояло провести около месяца, Тургенев писал Жуковскому: «С Блудовым мы славно здесь поживали, хотя часто спорили <...> Ты бы приехал, брат, в Петербург, хоть на месяц с Блудовым, когда он будет возвращаться»; здесь же он сообщал, что ему «жаль <...> расстаться» с ним; по-видимому, об этом же их совместном проживании идет речь и в письме Тургенева к Жуковскому от начала мая 1803 года.¹⁵ Следует отметить, что в публикации процитированных писем Андрея Тургенева нет разъяснительного примечания к этим фрагментам, поскольку факт проживания Блудова на одной с ним квартире становится известным нам лишь благодаря знакомству с его письмами к Жуковскому.

На этой же квартире началась скоротечная болезнь Андрея Тургенева, здесь же он и скончался от сыпного («пятнистого», как писали современники) тифа 8 июля

¹² Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

¹³ Из письма Блудова от 3 (15) июля 1802 года: «Буду еще при свете луны любоваться портретом; тогда как не мечтать <...> что обладаешь ее прелестями, что <...> буду некогда смотреть на нее, на ее милюньки глазки, закрытые; на ее щеки, где играет румянец самый милый, самый розовый, на грудь ее... ах! тогда в восхищении буду целовать ее, будить, может быть, буду целовать так, как я теперь только портрет целую; как она проснется, взглянет на меня усталыми, томными глазами, улыбнется, пожмет мне руку, которую я поцелую, и в то же время я почувствую горячие ее уста на щеке моей, и в то же время я прижмусь к ее груди, почувствую биение ее сердца — и в то же время ужасное слово: *jamais* раздается в душе моей <...> Я смотрю еще на портрет, еще целую ее и в слезах, в отчаянии — засну» (л. 2 об.). Ср. в письме Блудова от 27 апреля 1812 года, с которым были отправлены Жуковскому каких-то два портрета его невесты: «Один в наряде, другой во всенеднем ее платье. Оба, особливо последний, очень похожи, и точно потому не нравятся моей невесте. Она требовала, чтобы я их бросил: я должен был обещать, но не знаю, отчего мне не хочется их истребить. <...> Сделай одолжение, милый друг, не показывая их никому и побереги у себя, пока время не сделает жены моей благоразумною. <...> завтра наша свадьба, и ты увидишь, или отгадаешь по портрету, какие удовольствия обещает мне завтрашняя ночь. Прости: когда ты получишь мое письмо, я буду уже на век прикован к своей старухе» (л. 24 об. — 25).

¹⁴ Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты... С. 222.

¹⁵ Жуковский и русская культура. С. 427, 426.

1803 года. Блудов в это время был уже в Петербурге, поскольку он вернулся из Москвы в конце июня. Со смертью Тургенева связаны два письма Блудова к Жуковскому, написанные в ноябре–декабре 1803 года. Эти письма не были учтены в работах В. М. Истрина и А. Л. Зорина, где рассматривались все известные исследователям на момент их написания свидетельства о смерти Андрея Тургенева.¹⁶ Не было учтено в них и письмо Жуковского к Блудову от 7 ноября 1803 года, в котором речь шла о Тургеневе и которое впервые было напечатано в новейшем издании поэта.¹⁷ Необходимо восполнить этот пробел в истории потрясшего весь дружеский круг трагического события, проанализировав в ряду материалов о нем переписку Блудова с Жуковским.

Письма Блудова, посвященные смерти Тургенева, представляются явлением странным для эпистолярной культуры того времени, когда проникновенные послания о кончине кого-либо из близких были само собой разумеющимся делом. Блудов не написал Жуковскому письма о Тургеневе сразу же после его смерти. Их переписка вообще прервалась, и последним из известных писем его к Жуковскому перед этим перерывом было именно то, где он извещал о переезде к нему Тургенева. Первым письмом Блудова после этого перерыва было письмо от 20 ноября 1803 года с воспоминанием о Тургеневе, которое писалось под влиянием друзей, предупредивших его о недовольстве Жуковского. Вскоре до Блудова дошло письмо и самого Жуковского от 7 ноября 1803 года, однако оно не было ответным, поскольку тот еще не успел получить его первое письмо. Речь шла о разрыве дружбы, и Блудов почти сразу же начал писать Жуковскому другое письмо о Тургеневе, назвав первое «письмом вертопраха» (подлинник по-французски), поскольку понимал, что ответа на него не будет.¹⁸

Жуковский требовал от Блудова рассказа о кончине Тургенева: «...ты <...> видел его в последние минуты его жизни».¹⁹ Теперь, когда мы знаем, что Тургенев снимал квартиру вместе с Блудовым, эта просьба не вызывает удивления, тем более что о его присутствии рядом с ним в «последние минуты» Жуковский мог знать и от своих друзей. Однако для Блудова здесь была какая-то сложность, и он, уходя от нее, иначе обозначил в письме от 10 декабря 1803 года свое местонахождение в день смерти Тургенева, ответив Жуковскому, что он о ней «узнал». То есть с ним рядом его в этот день не было! И. П. Тургенев, отец Андрея, в письме к Жуковскому от конца июля — начала августа 1803 года с восхищением и благодарностью упомянул только Петра Кайсарова, указав, что он не испугался заразной болезни сына и был рядом с ним до конца.²⁰ Болезнь была скоротечной, и оправдание Блудова можно связать с тем, что он видел Андрея Тургенева больным, но не ожидал, что развязка наступит так быстро. Жуковскому Блудов, естественно, не написал о том, где он находился в последний день жизни Тургенева.

Согласно обычаям, по которым составлялись в дружеском или родственном кругу письма о кончине какого-либо лица, они включали сообщения не только непосредственных свидетелей, но и пересказы слышанного от других людей. Например, А. Ф. Мерзляков, писавший убитому горем Александру Тургеневу в конце 1803 года и призывавший его «воскресить» брата Андрея «в самом себе» (автор письма знал о смерти Андрея Тургенева из рассказов его отца и друзей), не обинуясь утверждал: «Сам он, отходя от нас, поручил тебе эту священную должность! Сам он запретил тебе предаваться излишней печали».²¹ Подобного сообщения в других текстах не встречается

¹⁶ *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. Смерть Андрея Ивановича Тургенева // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 3. Отд. 2. С. 1–36; *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 480–488.

¹⁷ *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18–19, 602–603.

¹⁸ Жуковским ответ был дан только на второе письмо Блудова от 10 декабря 1803 года. Он был вполне умиротворенным и написан 21 января 1804 года (Там же. С. 20–22). Этим письмом Жуковского была закончена его размолвка с Блудовым.

¹⁹ Там же. С. 19 (подлинник по-французски).

²⁰ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник А. И. Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введением и с прим. В. М. Истрина. СПб., 1911. С. 288.

²¹ *Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. С. 9.

ся, поэтому можно лишь гадать, было ли это в действительности сказано Тургеневым о брате или же домыслено Мерзляковым в жанровых рамках старинного некролога.

Письма Блудова об Андрее Тургеневе необычны в ряду эпистол такого рода, поскольку лишены искусных стилистических клише, призванных возвысить человека в рассказе о его кончине. Блудов пишет Жуковскому об умершем друге с сочувствием и печалью, но не касается воспоминаний о последних моментах из его жизни. Письмо от 10 декабря 1803 года информативно сосредоточено на результатах первоначального разбора архива Андрея Тургенева, что придает сообщениям в нем большую ценность. В целом же, оба этих письма Блудова, при всей их искренности, оставляют впечатление какой-то недоговоренности, как будто он уклонился от воспоминания о смерти Андрея Тургенева.

Среди писем о Тургеневе нет ни одного, где упоминалось бы последнее церковное напутствие; можно предположить, что такового и не было (возможно, из-за какого-то опоздания); о нем не говорится и в письме митрополита Платона (Левшина), написанном 23 июля 1803 года в ответ на письмо к нему И. П. Тургенева и повествующем лишь об «истинной вере», «благой надежде» и воспитании сына «в благочестии, утвержденном благонравием».²² Если бы умирающий приобрел Святых Даров, митрополит, который отвечал И. П. Тургеневу на просьбу об утешении в связи со смертью сына, упомянул бы об этом в первую очередь. Отсутствие последнего церковного напутствия могло смутить Блудова, который и в молодые годы был человеком религиозным.²³ Об этом вспоминал Ф. Ф. Вигель, восхищавшийся смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось неприменимым условием просвещения», а целомудрие «верным признаком слабоумия», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств.²⁴

Два письма Блудова к Жуковскому 1803 года публикуются по автографам (ИРЛИ. № 21823. Л. 12–17 об.). Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

Из Петербурга
Сего ноября 20-го <1803 года>.

Наконец я могу писать к тебе, любезный друг, и следственно, просить у тебя прощения.¹ Для чего я не писал к тебе до сих пор, для чего, казалось, забыл тебя?.. Ответ известный: для того, что ленился; и теперь тороплюсь писать и пишу мало, для того, что не перестал быть ленивым. Вероятно, никогда не перестану, однако ж буду писать к тебе и часто, ибо дружба побеждает все трудности. Если б ты знал, как ужасно было для меня не получать о тебе никаких известий и, по обыкновению, сомневаться в твоей дружбе (хотя ты мне запретил это делать), то, конечно, простил бы мне мою вину, которая меня сама уже наказывала. Впрочем, я имел причины молчать: сначала для того, чтоб не возвещать тебе о потере друга, после для того, что не знал, как себя извинить в беспечности непростительной, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича, за которую ты по справедливости на меня сердился и которой я сам не понимаю и не прощу себе (надеюсь, однако ж, что *ты* меня простишь и что гнев будет гневом друга; *vous ne pouvez pas m'en dire plus, que je ne m'en dis*

²² Там же. С. 14.

²³ В письме от 29 ноября 1817 года Блудов дал оригинальное толкование знаменитого изречения Жуковского «Всё в жизни к прекрасному средство», свидетельствующее, на наш взгляд, о высоком градусе религиозности автора письма: «Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с другими друзьями, *близкими к тебе*» (л. 32 об.).

²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 129–131; см. также: *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). С. 112.

moi-même, et nous nous parlons si rarement, qu'il ne faut pas perdre le temps en reproches³). После... не писал оттого, что должен был написать письмо длинное; такое, как теперь. Сделай милость, помирись со мною, то есть отвечай мне: брани меня, или лучше не брани, потому что я жалок. Надеюсь, друг мой, что ни отдаление, ни долгое молчание, ни мои глупости не лишат меня твоей дружбы; надеюсь, если могу судить о тебе, по себе самому.

Желал бы сказать тебе что-нибудь об Андрее Ивановиче, то есть о моих сожалениях, но не могу, потому что пришел сейчас от *одной женщины*; et quand la tête est remplie de frivolités, d'obscenités peut-être, ce n'est pas le temps de parler d'amis morts.³ Скажу только, что я стал любить его гораздо больше с тех пор, как нет его; по крайней мере, мне так кажется; может быть, также сожаление *уведомило* меня о всей моей привязанности к нему и о всех его достоинствах. Замечаю также, что я и тебя люблю гораздо больше, когда мы розно, нежели, когда вместе. Прости, друг мой, люби меня столько же, как я тебя, пиши больше; пиши обо всем, что касается до тебя, о твоих делах бессмертных (à propos, est-il vrai, que vous serez le rédacteur du Courrier d'Europe?⁴), о всех своих упражнениях. Прости. Ты, я думаю, получил L'Esprit des lois, два последние тома,⁵ и своего Телемаха,⁶ и поэму La Pitié, которая (par parenthèse⁷) не годится никуда.⁸ Прости. Je vais retrouver une Nymphé qui m'attend.⁹

¹ По-видимому, до Блудова дошли слухи от кого-то из петербургских приятелей (вероятнее всего, от братьев Кайсаровых) о том, что Жуковский, по его словам, «сердился» на него за «беспечность непростительную, в рассуждении нашего доброго и любезного Андрея Ивановича».

² ты не можешь сказать мне об этом больше, чем я сам себе говорю, а мы разговариваем так редко, что незачем тратить время на упреки (*фр.*)

³ а когда в голове фривольности, может быть, даже непристойности, не время говорить об умерших друзьях (*фр.*)

⁴ кстати, это правда, что *ты* будешь редактором «Вестника Европы» (*фр.*)? Из сообщения Блудова можно сделать вывод, что слухи о Жуковском как редакторе журнала «Вестник Европы» появились уже в конце 1803 года. Они могли быть связаны с приездом Жуковского к Карамзину в мае 1803 года, когда он жил у него на даче в подмосковном Свирлове. Редактором журнала, однако, Жуковский стал только в 1808 году.

⁵ Речь идет о посылке книг Жуковскому осенью 1803 года, которую Блудов не соблаговолил сопроводить письмом к нему. Именно этот жест недовольный Жуковский назвал в своем письме к Блудову от 7 ноября 1803 года «пантомимой» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 18*). Среди полученных им книг были последние два тома четырехтомного труда французского публициста и политического деятеля А.-Ф.-К. Феррана «Дух истории, или Письма отца к сыну о политике и морали» («L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales d'un pere a son fils»), вышедшего в Париже в 1802 году. В начале марта 1803 года Блудов выслал Жуковскому два первых тома по его просьбе, о которой известно из упоминания о ней в письме от 10–12 февраля 1802 года: «Твою книгу „Esprit de l'Histoire“ поищу, но без надежды», — обещал в нем Блудов (л. 18). Жуковский хотел перевести труд Феррана и увлек этим замыслом Андрея Тургенева. Этот перевод, который они поделили «пополам», неоднократно упоминался в их переписке весной 1803 года (см. об этом: *Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 602–603*). Блудов в письме от 20 ноября 1803 года привел название выслаемого издания с ошибкой, вызванной воспоминанием о книге «De l'Esprit des lois» («О духе законов», 1748) Ш.-Л. Монтескье; о том, что им выслан был именно Ферран, свидетельствует письмо Жуковского от 7 ноября 1803 года, где приведено точное название книги (Там же. С. 18). Посылка последних томов Феррана могла быть связана с предсмертной просьбой Тургенева (по-видимому, это была та часть, которую должен был переводить именно он); в библиотеке поэта издание не сохранилось.

⁶ Имеется в виду роман Ф. Фенелона «Приключения Телемаха» (1699), сохранившийся в библиотеке Жуковского только в русском издании 1839 года. Возвращение Жуковскому какого-то принадлежащего ему издания («...ты, я думаю, получил <...> своего Телемаха...») могло быть связано с разбором книг Андрея Тургенева.

⁷ в скобках (*фр.*)

⁸ Поэма Ж. Делиля была опубликована в 1803 году под названием «La Pitié» («Сострадание»), в 1804 году — под названием «Le Malheur et la Pitié» («Несчастье и сострадание»). О ней Блудов писал Жуковскому в письмах 31 октября и в конце декабря 1802 года (л. 9 об., 11 об.).

⁹ Иду к одной Нимфе, меня ожидающей (*фр.*).

2

10 Décembre <1803 года; Петербург>

Je vous écris à la hâte, mon bon ami, et je vous écris avec de l'encre rouge n'en ayant pas d'autre dans l'instant. Je vous demande bien des pardons pour mon silence, et je vous en demande bien d'autres pour ma dernière lettre, que vous devez avoir reçue et qui est celle d'un étourdi. Je sens bien que ce n'étoit là le ton, dont devoit être une lettre qu'on écrit à un homme affligé; surtout quand on doit l'être soi-même et qu'on l'est en effet malgré les apparences. Mais je vous écrivois dans un de ces accès de gaieté folle, qui me viennent fort rarement et qui me viennent toujours mal-à-propos. J'espère que vous voudrez bien me pardonner tout cela, du moins en faveur de ma sincérité; j'espère que vous ne voudrez pas me juger d'après quelques étourderies, où j'ai paru plus coupable que je ne l'étais.

J'ai maintenant à vous parler de votre lettre que j'ai reçue un mois après son départ. (C'est bien du plaisir retardé.) Je vous remercie et vais vous répondre comme je pourrai.

Vous me grondez et vous avez raison. Vous me pardonnez et vous avez bien raison encore, car je le mérite au moins autant que les reproches. Vous me demandez si je veux *rester* votre ami? Cette demande seroit impardonnable dans une autre occasion: elle n'est peut-être que juste en celle-ci. En tout cas la réponse n'est point douteuse: j'entends trop mes intérêts pour me priver de l'amitié *d'un homme tel que vous* et surtout de *votre* amitié. Cette phrase est précieuse, mais n'importe, elle rend bien ma pensée, et je vous aime autant pour vous-même que je vous estime pour votre mérite. Ne doutez pas de mes sentiments, mon ami, et laissez-moi douter tout seul, puisqu'enfin la nature m'a fait douteur. Je ne sais pas, si c'est par politesse que vous me reprochez de ne vous avoir consolé sur la mort de *notre* ami. Je sais bien toujours que ce n'est pas là mon affaire et je ne suis pas plus en état de consoler les personnes vraiment affligées, que celles qui ne le sont pas. Le premier emploi est impossible, le second est ridicule. Vous n'êtes pas dans la règle générale, mais vous ne pouviez pas non plus être consolé ni par moi, ni par personne. Ce qu'il falloit faire? C'étoit de nous affliger ensemble, et en ne le faisant pas, j'ai beaucoup perdu. Ce n'est pas, mon cher, par froideur, mais bien par intérêt que j'ai laissé à d'autres à vous apprendre la nouvelle de la mort de Tourguénéf. Mettez-vous un moment à ma place et jugez s'il n'étoit pas possible de vous annoncer un événement auquel pourtant je n'ai pu croire, lorsqu'on me l'apprit, et auquel je ne puis encore penser sans douleur. Non, mon cher, ce n'est point aux affligés à s'apprendre le sujet de leurs pleurs: ce soin est mieux rempli par un homme indifférent, ou du moins par un homme qui ne fait que *prendre part* à notre douleur.

Je sens que ma lettre sera trop longue, mais j'ai tant de choses à vous dire... Bornons-nous à celles qui vous concernent. Votre commission étoit remplie avant que je reçoive votre lettre. Les papiers d'A... sont encore ici. Les Mrs Kayssaroff doutent s'ils les renverront à son père, ou à son frère, qui les redemande, et je serais pour le dernier. Je ne sais pas exactement en quoi ils consistent, mais il s'y trouve une partie de son journal et des différentes lettres qu'il a reçues: le reste est encore à Vienne. D'ailleurs Kayssaroff n'a voulu entrer avec moi en aucun détail sur tout cela, peut-être par discrétion. Une chose assez singulière et que je puis vous apprendre: à vous sans craindre d'être ridicule c'est qu'à la dernière feuille de son journal écrite quelques jours avant sa maladie il parle longtems de la mort et dit qu'il trouve la plus grande douceur à y songer. Je ne veux pas en faire preuve pour les pressentiments auxquels j'ai toujours tenu, comme vous le savez bien; mais peut-être il est consolant pour ses amis de penser qu'il a reçu le trépas sans s'effrayer et que sa mort n'a été un mal que pour les autres. Vous apprendrez sans doute avec plaisir que cet excellent ami étoit encore l'homme le plus bienfaisant. Vous le saviez déjà peut-être; pour moi je ne l'appris qu'après sa mort et pourtant je le voyois tous les jours. Nous avons beaucoup perdu, mon ami, et nous ne sommes pas les seuls: nous ne ferons sans doute pas d'éloge sur sa mort, mais malheur à nous, si jamais nous oublions combien nous lui devons de regrets.

Que vous dirai-je de Rodzianka. Il est à la campagne chez son père; toujours malade (d'esprit), mais qui, dit-on, va mieux. Avant son départ il vous a écrit une lettre, dans laquelle il disoit qu'il rompoit avec vous et que vous étiez le plus perfide des hommes. Kayssaroff l'a détourné de vous l'envoyer. Vous ne vous en fâchez pas et c'est pour cela que je vous le dis. On m'a appris encore que son père avoit le dessein de le marier. A moins qu'il n'ait entièrement changé, je crois qu'une femme lui sera insupportable, et *in vice versa*. En tout cas il est bien malheureux. Il n'a point eu de fièvre brulante, mais la cause de sa maladie a été son entière solitude et surtout son inaction. Il faut avouer que les jeunes gens de quelques talents sont bien embarrassés sur le genre de vie. Soyez du monde et vous devenez frivoles, et adieu les talents; vivez seul et vous perdez l'esprit. Heureux qui comme vous peut passer une partie de son temps dans une agréable solitude et l'autre dans la société des gens de lettres.

Vous dites que vous ne faites rien et c'est bien mal faire. Je ne sais pourquoi cette oisiveté, mais si c'est de douleur, j'en suis bien plus fâché encore que du reste. Mon ami, c'est aux occupations à nous consoler, et c'est même le seul moyen de l'être.

...Exilés dans ce séjour profane
Cultivez les arts enchanteurs.

Occupez-vous, mon cher, pour votre bien, et pour le notre et m'écrivez du moins quelques fois. Ignorant si vous êtes à Belief ou à Moscou j'adresse ma lettre à Bosniak. Vous trouverez mon adresse. Pour celle de Kayssaroff elle est inutile: je le vois souvent et puis lui remettre vos lettres.

Mon adresse:

За Литейной улицею, в новой Итальянской слободе, в доме Татарина.

Перевод:

10 декабря <1803 года; Петербург>

Тороплюсь написать тебе, мой добрый друг, пишу красными чернилами, поскольку других нет под рукой. Прости меня за молчание, и еще более за последнее письмо, которое ты, должно быть, получил, и это письмо вертопраха.¹ Чувствую, что тон письма не тот, каким должен бы быть тон письма, обращенного к скорбящему человеку, тем более что и автор письма должен скорбеть, и так оно и есть на самом деле, вопреки видимости. Но я писал к тебе, когда на меня напал приступ безумного веселья, что со мной случается крайне редко и всегда некстати. Я надеюсь, ты простишь меня за все это, хотя бы ради моей искренности. Я надеюсь, ты не станешь судить меня за мое легкомыслие, я кажусь более виноватым, чем я есть на самом деле.

Теперь хочу поговорить о твоём письме, которое я получил через месяц после его отправки.² (Вот отложенное удовольствие.) Благодарю тебя и отвечаю, как сумею.

Ты меня ругаешь, и ты прав. Ты меня прощаешь, и ты опять прав, так как я этого заслуживаю, по крайней мере, не меньше, чем упреков. Ты меня спрашиваешь, хочу ли я *оставаться* твоим другом.³ Этот вопрос был бы непростителен при других обстоятельствах; возможно, он справедлив в данной ситуации. В любом случае не следует сомневаться в ответе: я слишком дорожу своими интересами, чтобы потерять дружбу *такого человека, как ты*, и особенно *твою* дружбу. Эта фраза получилась манерной, ну и пусть: она верно передает мою мысль, и я равно люблю тебя самого и уважаю тебя за твои достоинства. Не сомневайся в моих чувствах, друг мой, и позволь мне одному сомневаться, потому что я от природы человек сомневающийся. Не знаю, из вежливости ли ты упрекаешь меня в том, что я не утешал тебя по поводу смерти *нашего* друга. Я знаю, что это не моя стихия, и я не умею утешать как тех, кто действительно скорбит, так и тех, кто равнодушен. Первое невозможно, второе нелепо. Ты — особый человек, но ни я, ни кто другой не в состоянии тебя утешить. Что же нужно было делать? Скорбеть вместе, и я, не сделав этого, многое потерял. Дорогой мой, то, что я решил, чтобы

другие сообщили тебе о смерти Тургенева, — это не из-за равнодушия, а напротив, из сочувствия. Поставь себя на мое место и подумай, каково сообщить тебе такую новость, которой я не мог поверить, когда я ее узнал,⁴ и о чем и сейчас не могу думать без страдания. Нет, мой дорогой, сообщать друг другу о горестных событиях следует не тем, кто скорбит: лучше это поручить незаинтересованному лицу или тому, кто только *соболезнует* нашему горю.⁵

Чувствую, что мое письмо получится слишком длинным, но мне столько всего надо тебе рассказать... Ограничимся тем, что касается тебя. Твое поручение было выполнено раньше, чем я получил твое письмо. Бумаги А<ндрея> еще здесь. Кайсаровы колеблются, отослать ли их его отцу или брату, который их запрашивает.⁶ Я за последний вариант. Не знаю точно, что они включают, но там есть часть его дневника и разные письма к нему.⁷ Все остальное еще в Вене.⁸ Впрочем, Кайсаров не захотел сообщить мне подробности обо всем этом, возможно, из соображений корректности. Есть одна особенная вещь, которую я могу тебе рассказать: именно тебе, не боясь показаться смешным, — на последней странице его дневника, где он писал за несколько дней до болезни, он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней.⁹ Я не хочу говорить тут о доказательстве предчувствий, в которые я всегда верил, как ты знаешь; но, может быть, утешительно для его друзей думать, что он ушел в мир иной без страха и что его смерть оказалась горем только для других. Без сомнения, ты с удовольствием узнаешь, что этот прекрасный друг был благодетелем.¹⁰ Возможно, ты уже это знал: я об этом узнал только после его смерти, а ведь я его видел каждый день. Мы многое потеряли, мой друг, и не мы одни: мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть,¹¹ но горе нам, если мы забудем, как нам его не хватает.

Что сказать тебе о Родзянке. Он в деревне у отца; по-прежнему болен (душевно), но, говорят, ему лучше.¹² До отъезда он написал тебе письмо, в котором говорил, что порывает с тобой и что ты самый коварный из людей. Кайсаров уговорил его не отсылать письма. Ты на это не рассердишься, потому я тебе об этом и сообщаю. Мне сказали еще, что его отец имел намерение женить его. Если только он совершенно не изменился, думаю, жена для него невыносима, и *in vice versa*.¹³ Так или иначе, он очень несчастен. У него не было горячки, но причина его болезни — полное одиночество и, главное, бездеятельность. Надо признать, что молодые люди, наделенные хоть какими-то талантами, оказываются в затруднении перед жизнью. Живите в свете и станете легкомысленны, и тогда прощайте, таланты; живите в одиночестве и лишитесь ума. Счастлив тот, кто, как ты, может проводить часть времени в приятном одиночестве, а другую — в обществе литераторов.

Ты говоришь, что ничем не занимаешься и что это плохо.¹⁴ Не знаю, отчего эта праздность, но, если это от горя, это еще более досадно, на мой взгляд. Друг мой, утешения надо искать в занятиях, и это единственный способ для этого.

...Теперь томяся в злой стране сует и муки,
Старайтесь изучать приятные науки.¹⁵

Найди занятие, мой дорогой, для твоего блага и для нашего, и пиши мне иногда. Не зная, в Белеве ты или в Москве, посылаю письмо Бошняку.¹⁶ Ты найдешь мой адрес. Что касается адреса Кайсарова, он не нужен: я его часто вижу и могу передать ему твои письма.

Мой адрес:

За Литейной улицею, в новой Италианской слободе, в доме Татарина.

¹ Имеется в виду первое письмо Блудова от 20 ноября 1803 года.

² Речь идет о письме Жуковского к Блудову от 7 ноября 1803 года с упреками в молчании по поводу смерти Тургенева. Блудов пишет, что получил его «через месяц», т. е. 7 декабря 1803 года.

³ Имеются в виду следующие слова Жуковского в письме Блудову: «Я не могу заставлять любить меня, это твое дело или, лучше сказать, дело твоего сердца. Но если я могу полагаться на свое впечатление, я верю, что ты мне друг, по крайней мере, ты мне казался другом. Теперь твое дело меня разубедить. Мне нужно всё или ничего. В дружбе не бывает середины. Будь добр

написать, если ты не переменялся в отношении ко мне» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19, подлинник по-французски).

⁴ О значимости для Блудова слов, говоривших Жуковскому о том, что он не присутствовал при «последних минутах» Тургенева, см. вступ. статью.

⁵ В письме от 7 ноября 1803 года Жуковский с сожалением писал Блудову о том, что узнал о смерти друга от «чужих» (кого он так охарактеризовал, неизвестно).

⁶ «Поручение», о котором говорит Блудов, было дано ему в письме Жуковского от 7 ноября 1803 года: «...нужно узнать, куда делись бумаги и письма Андрея Т<ургенева>; у кого они остались; сделай одолжение, извести меня по этому поводу. Отправь мне <...> адрес Петра Кайсарова» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19). Блудов в ответном письме говорит о Кайсаровых, живших в этом время вместе в Петербурге, имея в виду братьев Петра (1777–1854), чиновника Министерства внутренних дел, и Михаила (1780–1825), чиновника Коллегии иностранных дел (двух других братьев Кайсаровых, Андрея и Паисия, в Петербурге в это время не было). Желание видеть бумаги и письма Тургенева было связано с намерением Жуковского издать их, которое он выразил в двух письмах к И. П. Тургеневу; первое из них не сохранилось, во втором, от 11 августа 1803 года, он писал: «Осмелюсь напомнить Вам <...> о моей просьбе переписать письма и другие интересные бумаги покойника. <...> Итак, Вы позволите мне быть издателем его писем, которые посвящу Вам; Вы позволите приобщить мне к ним краткую историю жизни его: пускай все знают, кто он был и что он был для тех, которые были с ним связаны тесными узами. Вот памятник его достойный!» (Там же. С. 16–17; в письме на с. 16 сделано ошибочное раскрытие «П. С.» как Паисия Сергеевича Кайсарова, хотя речь шла о Петре Кайсарове).

⁷ Судьба архива Андрея Тургенева оказалась сложной (о лакунах в нем см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 484). Александр Тургенев спрашивал о нем у Жуковского 1 (13) февраля 1804 года из Геттингена: «...уведомь меня, где бумаги братнины, мои письма, книги его, платье и всё, всё; у Батюшки ли всё это или еще в Петербурге? Сохраните все его остатки» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 272). 7 марта 1805 года Ал. Тургенев сообщил А. С. Кайсарову из Москвы: «Из братниных бумаг я почти ничего не получил, только письма наши, и то не все. Желтой книги нет» (Там же. С. 335); под последней подразумевался, по-видимому, какой-то неизвестный дневник или тетрадь Тургенева с сочинениями, переводами и т. п. Впоследствии, в связи с редакторской работой в «Вестнике Европы», Жуковский не раз обращался к Ал. Тургеневу с просьбой о тех или иных бумагах брата, но никаких публикаций по ним так и не появилось (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 54, 61, 77, 625, 630, 644).

⁸ Имеются в виду бумаги, оставшиеся в Вене в русской дипломатической миссии, куда Андрей Тургенев выезжал в 1802–1803 годах. По-видимому, они не были возвращены в Россию.

⁹ Дневниковые записи Тургенева за конец июня 1803 года, с фотографией последней страницы дневника, см.: *Зорин А. Л.* Появление героя. С. 478–479; нельзя, однако, сказать, подобно Блудову, что «на последней странице его дневника <...> он много говорит о смерти и спокойно размышляет о ней».

¹⁰ Речь идет о каких-то актах благотворительности Тургенева.

¹¹ Вероятнее всего, Блудов не знал о написанной Жуковским элегии «На смерть А<ндрея Тургенева>» (датируется 17–20 июля 1803 года; ср.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 59, 439–440; здесь же перечислено несколько копий стихотворения, из которых лишь одна, сделанная рукой неизвестного, вышла не из родственного Жуковскому семейства Протасовых). Элегия была выслана Жуковским в первом же письме в Москву к И. П. Тургеневу (*Истрин В. М.* Из архива братьев Тургеневых. С. 4). Тот вернул ему стихи со словами «не пошлю их Карамзину», разрешив при этом печатать их «в утешение» себе, т. е. автору (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 288). Поэт ответил И. П. Тургеневу 11 августа 1803 года: «А стихов моих не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для Вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 17). Сразу же после похорон к И. П. Тургеневу ездил для встречи Петр Кайсаров, но тот, по-видимому, не сообщил ему (или кому-либо другому из друзей сына, например, в Москве) о стихотворении Жуковского. Слова Блудова «мы, конечно, не станем писать элегию на его смерть», обращенные к поэту, трудно объяснимы, но, возможно, они относились только к петербургским друзьям Андрея Тургенева (среди них были поэты, как, например, Петр и Михаил Кайсаровы).

¹² О сумасшествии Семена Емельяновича Родзянко (1782–1808?), поэта и переводчика, в недавнем прошлом соученика Жуковского по московскому Университетскому благородному пансиону, говорилось в его письме к Блудову от 7 ноября 1803 года: «Ради Бога, не забудь мне сказать, что случилось с Родзянкой: мне ничего не известно о его судьбе. Где он? Как его дела? Он очень несчастлив! Дай Бог, что его состояние всего лишь какая-то кратковременная болезнь. <...> Он всегда был незаурядным человеком» (Там же. С. 19). Отвечая ему, Блудов упоминает о «бездеятельности» Родзянко, который не состоял на службе, и его отца Емельяна Семеновича Родзянко, помещике Полтавской губернии. Архив Родзянко, поэта и переводчика, не сохра-

нился. См.: *Лямина Е. Э.* Родзянко (Родзянка) Семен Емельянович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 5. С. 312–313.

¹³ наоборот (*лат.*)

¹⁴ Ср. в письме Жуковского: «Я по-прежнему в Белеве. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 19).

¹⁵ Строки из гимна Ж. Делиля «Дифирамб бессмертию души» («*Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme*», 1794). В 1806 году Жуковским был написан «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (опубл. 1807). О работе над ним поэта в контексте других русских переводов стихотворения того времени, в том числе А. Ф. Лабзина 1804 года (в сноске к письму Блудова использован перевод Лабзина), см.: Там же. Т. 1. С. 469–471. О «Дифирамбе» Делиля Андрей Тургенев упоминал в письме к Жуковскому от 9 марта 1803 года (*Жуковский и русская культура*. С. 422).

¹⁶ Бошняк Александр Карлович (1786–1831) — воспитанник московского Университетского благородного пансиона, где учился с 1799 года и где близко сошелся с Жуковским и его кругом, с 1804 года чиновник московского архива Коллегии иностранных дел (см.: *Бочков В. Н.* Бошняк Александр Карлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 323). Блудов пользовался его посредничеством в своей переписке, поскольку дом Бошняка находился рядом с домом его матери.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-117-126

© М. В. Строганов

А. С. ГРИБОЕДОВ И М. Н. ЗАГОСКИН, ИЛИ О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Процесс профессионализации разных сфер деятельности являлся составной частью формирования публичной сферы и гражданского общества; он сопровождался возникновением сообществ двух типов: организации (профессиональные сообщества, которым свойственна ярко выраженная рефлексия идентичности) и группы (полупрофессиональные, соответственно слабо выраженная или вовсе не выраженная рефлексия) — и многочисленных переходных форм между ними. Интерес к этой области общественной жизни при изучении литературного процесса вполне закономерен.¹ Однако при таком подходе к описанию литературного ряда позиция автора оказывается манифестацией позиции сообщества, хотя, разумеется, постоянно вводятся уточнения о специфике конкретного выступления или личности. Но как ни уточняй эту специфику, она все же остается только спецификой в рамках сообщества, а сами выступления или личность — только функциями, агентами влияния групп и организаций. Неадекватность такого подхода наиболее наглядно становится очевидной при изучении либо реконструируемых групп, либо фигур, которые мы условно назовем периферийными — в том смысле, что они, конечно, не факультативны, но и не отражают ключевые позиции сообщества. Героями настоящих заметок являются А. С. Грибоедов, которого обычно относят к реконструируемой литературной группе младоархаистов, и М. Н. Загоскин, который в дороманный период был периферийной фигурой, поскольку он сам в это время еще не осмыслил свою литературно-общественную позицию со всей определенностью.

1

Согласно общепринятому мнению, Грибоедов вступает в литературу в качестве литературного сторонника князя А. А. Шаховского, а жанр, с которым Грибоедов дебютировал как драматург, зародился в творчестве того же Шаховского.

¹ *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1. С. 5–18.